

Андрей
ТРОИЦКИЙ

*Под
Америке
с
русской
красавицей*

Андрей Борисович Троицкий
По Америке с
русской красавицей
Серия «Документальная проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15614327
авторское;

Аннотация

Жанр – путевые заметки. Автор рассказывает о повседневной жизни за океаном без политики и пытается ответить на многие актуальные вопросы. Например, на вопрос, валить или не валить? Что такое развод в Америке? Существуют ли до сих пор расовые проблемы? Почему в Америку вернулись традиционные семейные ценности, а рассадники греха и разврата исчезают? Зачем оружие среднему американцу, можно ли выжить при баснословно дорогой медицине? Что такое старость в Америке? Читатель узнает много интересных и забавных историй из заокеанской жизни. Пора в дорогу...

Содержание

Знакомство	4
Валить!!!	18
Русская жена в американской глубинке	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Троицкий

По Америке с русской красавицей

Все события и люди, о которых рассказывает эта книга, – подлинные. Прямую речь героев автор постарался записать максимально точно. Пришлось изменить лишь некоторые имена, вы поймете почему.

Знакомство

Летом я приехал в Нью-Йорк по делам. Мы пообедали со старым другом, поговорили за жизнь, он спросил, как у меня со временем и с деньгами. С деньгами было неважно, со временем значительно лучше. Я как раз закончил книгу и мог позволить себе непродолжительные каникулы.

– Есть возможность заработать, – сказал друг. – Дочь одного московского бизнесмена, некоего Петра Васильевича Гусева сейчас в Нью-Йорке. Она хочет прокатиться по стране. Поездку оплатит папаша. Если бы ты мог провести такую экскурсию... Ты же сам сказал, что деньги тебе не мешают. А дочка – редкая красавица. Кстати, она недавно с мужем рассталась.

– Пусть этот бизнесмен обратится в туристическое агентство. Причем тут я?

– Давай так: Петр Васильевич сам тебе позвонит и все объяснит.

Звонок раздался около четырех часов вечера, значит, в Москве полночь. Голос Гусева был приятный, такой густой баритон. Он хотел казаться человеком деловым и энергичным, но получалось не очень убедительно. Скорее, он казался растерянным.

– Понимаете ли, Рита хочет остаться в Америке. Она моя единственная дочь. Я вообще человек, у которого родственников по пяти пальцам считать. Жена умерла пять лет назад. С тех пор самый близкий человек для меня – это дочь. Ее тетка, сестра покойной матери, уже двадцать лет живет в Америке. Кроме того, родственники ее бывшего мужа там живут. К чему я это говорю? Рита побывала в Америке четыре раза. И влюбилась в эту страну. Загорелась идеей все бросить и уехать туда. А я бы этого не хотел, очень не хотел. Но не могу этому помешать.

Возникла долгая пауза.

– Я могу чем-то помочь?

– Честно говоря, моя цель в том, чтобы Рита выбросила из головы эту блажь – переезд за океан. Я мечтал о том, чтобы она жила в России. Нашла здесь свою судьбу, родила детей. Я бы на старости лет хоть с внуками понянчился. Условия жизни у Риты здесь, в России не хуже, чем за границей. И я

не понимаю, чего ей не хватает.

– Значит, чего-то не хватает.

– А что у меня за жизнь будет, если она и вправду уедет? –

Гусев не слышал моей реплики. – Скажу прямо – жизнь тусклая. Я не хочу, чтобы вы вели с Ритой разговоры типа такого: пожалей отца, останься в России... Я просто хотел, чтобы ее решение о переезде в Америку было осознанным. Чтобы она поняла: куда едет и чего ей ждать от новой жизни. Хотел попросить вас проехаться по Америке вместе с Ритой. Пусть посмотрит на жизнь, на быт простых людей. Увидит настоящую Америку.

– Что такое настоящая Америка я и сам толком не знаю.

– Ну, покажите ей то, что знаете. Сами придумайте маршрут. Ее сегодняшние впечатления – это поверхностный взгляд туристки. Раньше Рита видела лишь внешний глянец Америки. Нью-Йорк с его небоскребами, магазины для толстосумов на Пятой Авеню, богатые районы Лос-Анджелеса, особняки и пляжи Майами. Ей кажется, что это и есть настоящая Америка. На самом деле настоящей Америки она не знает. Я много раз бывал в этой стране по делам бизнеса. И скажу так: я Америкой не очарован.

– Послушайте, никакой проблемы нет. Ваша дочь поживет здесь некоторое время и вернется назад, если ей не понравится. Это и будет ее осознанный выбор.

– Ну, вы не знаете Риту, ее странный характер. Если она сделает ошибку, перебравшись в Америку, то в своей ошиб-

ке никогда не сознается. Она будет до конца на зло всем, прежде всего, на зло мне, отстаивать свою правоту, хотя знает, что не права. Вы понимаете, о чем я? Есть люди, которые не умеют признавать своих ошибок. Вот она из таких людей. Она переедет в Америку, затем разочаруется в этой стране. Но обратно все равно не вернется. Всем будет повторять: я сделала правильный выбор, когда уезжала. Прошу вас: прокатитесь с ней по Америке. Пусть посмотрит, подумает... За две недели работы десять тысяч долларов. Плюс дорожные расходы.

– Если я соглашусь, то не стану подталкивать вашу дочь к какому-либо решению. Уезжать ей или оставаться в России – пусть решает сама.

– Конечно. Все, что от вас требуется, – сопровождать мою дочь в этой поездке. Рита – очень жадная до новых впечатлений. Она любит путешествовать. Ей все время нужны новые люди, новые характеры. Она пробует себя в литературе.

– Стихи о любви? О природе?

– Проза, повести на бытовые темы. И про любовь тоже. На мой взгляд – очень даже неплохо. Впрочем, я не профессионал.

– А почему вы решили доверить именно мне эту... Ну, так сказать, важную миссию?

– У нас есть общие друзья... Я читал два ваших романа, они мне понравились. Кроме того, я знаю, что вы порядочный человек, что вам можно доверять. Поэтому и решил по-

просить вас об этом одолжении.

– Ну, не знаю, – я был польщен. – А если она не захочет?

– Я же говорю: она очень любит дорогу. Новые впечатления, новые люди – это то, что надо.

Я записал телефон и адрес Риты, пообещал перезвонить завтра и положил трубку. Я сварил кофе, сел на подоконник и с высоты двадцатого этажа стал смотреть, как внизу движется поток машин.

* * *

Нью-Йорк накрыло знойное марево уходящего дня, город плавился от жары, но в номере было прохладно. Не зная, чем себя занять, я расхаживал от стены к стене и обдумывал ситуацию. С деньгами было неважно. На одной из московских киностудий планировали экранизировать мою книгу, но окончательное решение отложили до осени. В издательстве застряла последняя книжка и, по достоверным сведениям, вопрос с ней будет решен нескоро.

Да, десять тысяч – это очень кстати. Но, сказать по правде, я сомневался в том, что моя будущая поездка по Америке с дочерью Гусева даст какой-либо результат. Если уж эта Рита, человек упрямый, решила здесь остаться, то никакая автомобильная экскурсия этого решения не изменит. Зачем тогда морочить голову ее отцу и тянуть с него деньги?

Я снова сел на подоконник и стал смотреть на поток

машин. Пожалуй, деньги я могу заработать литературным трудом. На мой официальный сайт иногда приходят письма людей, которые предлагают разные литературные проекты. Елена Ивановна, женщина средних лет из Москвы, давно пробующая свои силы в литературе, закончила объемный авантюрный роман, в котором, как она написала, есть «вкрапления любви на основе личных чувств и переживания».

Она хотела отправить свое произведение в издательство, но сомневалась в своих силах, боялась отказа и просила, чтобы я ознакомился с текстом и отредактировал его, «придал роману изящество и блеск». Если же даже после моей редакции издательство ответит отказом, Елена Ивановна издаст роман за свой счет, потому что книга ей очень дорога. Последние пару дней я думал над этим предложением.

Подвернулся и другой вариант: бизнесмен из Питера, некий Илья, хотел издать мемуары, чтобы, как он писал: «детям осталась память о годах моей бурной юности, чтобы можно было такую книжку подарить друзьям, бизнесменам, с которыми веду дела сейчас». Я дважды разговаривал с Ильей по телефону, он хотел встретиться, ответить на вопросы, надиктовать воспоминания. Мне предстояло сделать из его устных рассказов литературное произведение.

«Это будет повествование о людях, с которыми дружил в юности, о первой любви и всяком таком, – сказал Илья. – Возьмем такой период: с тринадцати лет до девятнадцати.

Название книги уже есть – «Я был пацаном». «Может, стоит взять и более поздние годы? – спросил я. – Скажем, от двадцати до тридцати?» «Нет, – твердо ответил Илья. – Вот этого делать не надо. Только юность и ранняя молодость. И на этом точка». Я обещал подумать и перезвонить.

Честно говоря, редактировать женскую прозу душа не лежала, перспектива заняться книгой воспоминаний о бурной юности Ильи «Я был пацаном» – нравилась мне больше. Подумав, я пришел к выводу, что одно другому не мешает, я бы смог посвятить Рите дней десять или две недели, а затем встретиться с Илей и обсудить все вопросы. Я пил кофе и листал атлас Америки, прокладывая маршрут будущей поездки, и делал заметки в записной книжке. Покончив с этим делом, набрал телефон Риты, представился и договорился о встрече в шесть часов вечера в летнем кафе возле отеля «Ньюйоркер».

– Как вас можно узнать? – спросил я. – Там много народа.

– Вы увидите самую красивую женщину. Это буду я, – у моей собеседницы был глубокий волнующий голос. – Без шуток. Ну, на всякий случай, чтобы не ошиблись: на мне будет синее платье без рукавов и нитка коралловых бус.

Я прибыл на место на пять минут раньше назначенного времени. Это было обычное летнее кафе. На тротуаре под зеленым тентом были расставлены столики и стулья. Я скользнул взглядом по женским лицам и безошибочно угадал Риту, даже не обратив внимания на цвет ее платья и коралло-

вые бусы. Она действительно была самой красивой женщиной в этом кафе, возможно, во всем квартале. Может быть, во всем Манхеттене.

Светлые прямые волосы, прямой нос, большие синие глаза и яркий чувственный рот. Платье подчеркивало все достоинства фигуры. На неудобном пластиковом стуле Рита сидела, будто королева на троне, свободно и величаво. Встретившись со мной взглядом, она помахала рукой.

Еще минуту назад я сомневался, надо ли ввязываться в эту историю с поездкой. Теперь мои сомнения рассыпались в пыль, а пыль унес легкий ветерок. Ехать надо, – вот оно, единственно верное решение. И дело не в деньгах, теперь сам мечтал об этой поездке. Я сел на свободное место, поздоровался, заказал кружку светлого пива и чипсы с сальсой. Мы поговорили ни о чем, обменялись мнениями о погоде, политических событиях в Европе и о нью-йоркских отелях.

– Я разговаривала с отцом, он сказал, что вы согласились повозить меня по Америке, показать что-то интересное. Правильно?

– Еще не согласился, я думаю. И вижу свою задачу так: вы решили остаться в стране, которую мало знаете. Ваш отец просил меня лучше познакомит вас с Америкой, чтобы ваше решение, – оставаться здесь или нет, – было основано не только на поверхностных впечатлениях. Но и на информации, которую вы почерпнете, покатавшись со мной. Я помогу вам чуть лучше узнать Америку, – это и есть моя задача.

Я достал из сумки атлас и показал Рите маршрут и коротко объяснил, почему я хочу остановиться именно в этих местах.

– Я не вижу здесь Лас-Вегаса, Гранд Каньона и Майами, – сказала Рита. – По-моему, интересно посетить какие-то знаменитые места. Посмотреть достопримечательности. Скажем, природный парк Йеллоу Стоун с его гейзерами и лес тысячелетних секвой под Лос-Анджелесом.

– В таком случае, если хотите увидеть разные памятные места, обратитесь не ко мне, а в туристическое агентство. По природным паркам и прочим достопримечательностям туристов возят на больших комфортабельных автобусах. Гиды – знающие люди. Они доходчиво обо всем расскажут. Какая длина, ширина и высота статуи Свободы, какая глубина Гранд Каньона и так далее. Вы вернетесь в Москву с набором фотографий, сувениров и справочников. Останется масса впечатлений. А я отправлюсь домой.

Рита задумчиво смотрела куда-то вверх, решая про себя, что делать.

– Это как-то грустно. Побывать здесь и не посмотреть достопримечательности. Давайте по-честному: отец попросил вас показать мне задворки Америки. Кварталы, населенные беднотой, очереди на биржу труда, разные клоаки и помой-

ки. Чтобы я поняла: вот она, настоящая Америка. И сделала правильные выводы. То есть осталась в России. Так?

– Нет. Он просил показать вам Америку. И обещал заплатить. Ну, потому что мое время чего-то стоит. О клоаках и помойках речи не было. Я могу вам показать ту Америку, которую знаю. Познакомить с людьми, с которыми знаком.

– Ну, хорошо, – Рита кивнула. – Тогда примем компромиссный вариант. Все намеченные мероприятия мы выполним. Но давайте расширим культурную программу... Мы заедем вот сюда, – Рита взяла карандаш и провела на карте ломаную линию. – Я хочу посмотреть Ниагарский водопад. И еще... Хочу встретиться с колдуньей вуду. Только настоящей. А не какими-то проходимцами, которые умеют раскладывать карты Таро, гадают на хрустальном шаре и кофейной гуще. Пудрят мозги и выкачивают деньги из доверчивых граждан, хотя их болтовня ничего не стоит. Да, мне нужна настоящая колдунья вуду. Вы можете устроить колдунью?

Я задумался. Знакомством с колдуньей я не мог похвастаться, но знал человека, который мог организовать такую встречу.

– Пожалуй. Но тогда придется ехать далеко на юг, в Луизиану, в Новый Орлеан.

– Отлично, по рукам. И еще одна просьба... Понимаете ли, я пишу прозу, – Рита выглядела немного смущенной, будто сознавалась в постыдном грехе. – Сочиняю повести. Они не достаточно толстые, чтобы называть их романами.

И хотела бы... Короче, мне нужен какой-нибудь специалист по современной американской прозе. Хочу, чтобы он прочитал что-то из моих вещей. И честно сказал: это можно будет опубликовать в Америке или не стоит надеяться. Понимаете? Перевод уже готов. Это для меня очень важно.

– Понимаю, – кивнул я. – Ну, возможно, я смогу показать вашу рукопись кому-то из литературных агентов, критиков или специалистов по русской литературе, которым доверяю. Я не обещаю, но постараюсь.

И тут же добавил, что нет смысла идти по сложному пути. Я сам могу прочитать повесть и сказать свое мнение. Уверен, почти на сто процентов, что мои оценки совпадут с теми оценками, что выдадут американцы. Рита вежливо, но твердо отказалась. Да, мое мнение ее интересует. Но она хотела бы издать свою книгу в Америке, а не в России. Можно считать это блажью, прихотью избалованной женщины – как угодно. Но она хочет издаваться здесь, а не там. Именно поэтому... Я кивнул головой: мол, понимаю.

Рита сняла спортивную сумку, висевшую на спинке стула, и достала папку с рукописью.

– Вот. Повесть «Легкое дыхание любви».

Я открыл папку, прочитал несколько абзацев и не споткнулся, написано гладко, – ничего не скажешь.

– Наконец, последнее, – сказала Рита. – Мне надо найти одного человека. Бывшего мужа. Найти и дать ему пощечину. Или две. В принципе, искать его не надо. Он ни от кого

не прячется.

– Это только пощечины? Или вы хотите устроить бывшему мужу что-то, ну, посерьезнее? В этой стране люди иногда выясняют отношения с помощью пистолетов.

– Садиться в тюрьму из-за этого дурака я не собираюсь.

* * *

Я предложил зайти в немецкий ресторан, что в двух кварталах отсюда, и поужинать. Народу было много, нам пришлось полчаса стоять в очереди. Наконец мы получили столик на двоих в дальнем углу зала. Рита сказала, что читала пару моих книг, эти романы бы ей понравились. Я сделал вид, будто верю этому лестному отзыву, но от вопросов воздержался.

Зачем задавать вопросы, на которые у собеседника нет ответов? Я был уверен, что Рита ничего моего не читала, а наговорила комплименты для того, чтобы польстить авторскому самолюбию. Еще она сказала, что не отправилась бы в эту поездку с человеком случайным, которому не доверяет. Но я – это совсем другое дело. Я писатель, человек порядочный, нравственный...

Это, пожалуй, уже был перебор. Конечно, человек я порядочный, ну, до определенной степени. И нравственный, так сказать, в некотором смысле слова. Но комплиментов, которые я услышал тогда за какие-нибудь полчаса, мне не дово-

дилось слышать за последнюю пятилетку. Это настораживало. Поразмыслив, я пришел к выводу, что эта поездка Рите нужна гораздо больше, чем мне показалось сначала. Нужна не ее отцу, а именно ей.

Во-первых, с бывшим мужем, она связывает какие-то планы. Во-вторых, встреча с колдуньей вуду нужна, чтобы как-то изменить жизнь. В-третьих, повестью «Легкое дыхание любви» Рита очень дорожит. Повесть уже переведена на английский, она распечатана и сброшюрована. Рита захватила «Дыхание» на встречу со мной. И сразу поставила условие: я должен показать ее опус кому-то из литературных агентов или издателей, с которыми знаком.

Значит, к встрече со мной Рита готовилась заранее. Не она ли попросила своего отца позвонить мне, немного приврать и... Я не додумал эту мысль. К чему строить предположения, если скоро я буду все знать наверняка, точно?

Мы хорошо устроились и обговорили некоторые детали будущего путешествия. Послезавтра с утра возьмем напрокат машину и двинем на запад, к Ниагарскому водопаду. Ночевать можно в мотелях, что стоят на хайвеях или предместьях больших городов, а лучше всего – в туристических лагерях и кемпингах. Для этого я куплю две палатки, спальные мешки, фонарики и еще кое-какие вещи, что могут пригодиться в дороге. Послезавтра возьму напрокат машину.

Из дальнейшего разговора я понял, что Рита – это человек настроения, она немного взбалмошна, упряма и эгоистична.

В то же время она не умеет долго сердиться, далеко не глупа, придерживается левых взглядов. В конце ужина Рита заглянула мне в глаза и сказала:

– Очень рада нашей встрече. Вы мне очень понравились.

Мы вышли на улицу, солнце давно свалилось за громадины высотных домов, с океана дул ветерок, разгоняя жару. Попрощавшись, я двинулся к автобусной остановке, а Рита к Рокфеллер центру. Я, подчиняясь безотчетному порыву настроения, остановился и оглянулся.

Рита шагала уверенно, ставила ноги в линию и держала спину прямой. Платье тесно обтягивало ее талию и бедра. Я еще мог окликнуть ее, догнать и все отменить. Сейчас я вспоминаю ту минуту, и мне кажется, будто именно так все и было: мне хотелось остановить Риту и отказаться от будущей поездки под каким-нибудь надуманным предлогом. Тут я вспомнил взгляд Риты и ее слова: «Вы мне очень понравились». Черт, а вдруг это судьба, вдруг... Я проводил Риту взглядом, повернулся и заспешил к автобусной остановке.

Валить!!!

На следующий день удалось закруглить все дела. Я сделал необходимые покупки, созвонился с профессором одного из университетов, специалистом по русской литературе и почтой отправил ему повесть «Легкое дыхание любви». Навел справки о колдунье вуду. Кажется, встретиться с ней можно без особых затруднений. Побывал в агентстве по прокату автомобилей и убедился, что в пору летних отпусков выбор весьма ограничен.

Пришлось довольствоваться «Крайслером Пацифика», таким гибридом мини-вена и внедорожника. Машина вместительная, с большим объемом двигателя и очень мягкой подвеской. В ней чувствуешь себя так, будто сидишь на мягком диване перед телевизором. Когда «Крайслер» входит и выходит из поворота, водителя болтает из стороны в сторону, а сидение куда-то проваливается, пружинит. Возможно, такая машина – неплохой вариант для большой многодетной семьи, я бы предпочел нечто иное. Зато, разложив задние сидения, здесь можно ночевать, чувствуя себя очень комфортно.

В общем и целом к поездке все готово.

Но чтобы сразу расставить все точки над I, окончательно прояснить вопрос «Валить из России или не валить?» и больше к нему не возвращаться, посвятив время приятным про-

гулкам. Поэтому я решил организовать встречу Риты с двумя весьма компетентными господами, выходцами из России, способными, как мне тогда казалось, коротко и объективно ответить на этот простой вопрос.

Сразу скажу, что из моей затеи ничего не получилось. Нет, компетенция и опыт моих знакомых не вызывали сомнений. Но разница в оценках и суждениях оказалась диаметрально противоположной.

Они «перебирали», уходили в крайности, были слишком категоричны – а это всегда настораживает. Я решил, оставив без комментариев оба мнения, просто представить их на суд читателя, и от себя добавить, что готового решения нет, ответа на вопрос «Валить или не валить?» лично я, послушав этих опытных людей, не нашел. Я добросовестно записал монологи моих героев и краткие ремарки Риты.

Первый мой знакомый Павел – бывший преподаватель уголовного права, ныне – практикующий юрист из Нью-Йорка, который предоставляет услуги вновь прибывшим соотечественникам. Он старается облегчить получение вида на жительство, гражданства, помогает приобрести бизнес и представляет интересы сторон в суде общей юрисдикции. Павел живет в Америке пятнадцать лет, начал почти с нуля, добился если не процветания, то прочного положения в обществе, финансового благополучия. Другими словами, он миллионер. Женат, трое детей.

С Павлом мы встретились в одном из небольших ресто-

ранчиков в Бруклине. Наш собеседник оказался категоричен:

– Собственно, вопроса валить или не валить, не существует. Разумеется, валить. Жизнь одна и разменять ее на серое убожество русской жизни, на бесконечную копейную рутину, когда самое незначительное событие, например, покупка костюма или ботинок, становится важным, первостатейным событием, – глупо. Валите. Чем скорее, – тем лучше. Как жить на новом месте – решите по дороге. Или по прибытии.

– Я бы не рубила с плеча, – вставляет Рита. – Как говорится: на одном месте и камушек обрастает. Или так: где родился – там и пригодился.

– Камушек, обросший мхом, – это не для меня. Мне нравится другая поговорка: катящийся камушек – мхом не обрастает. Я хочу, чтобы вы поняли принципиальную разницу между жизнью в России и Америке. Андрей когда-то подарил мне свой роман «Заблудившиеся». Там разговаривают два мужчины. Оба живут и работают в Москве, ташат свою телегу: работа, дом, грошовое существование от полочки до полочки. Им тошно, тяжело. Но первый герой – другой жизни для себя не видит. Другой мужик решил уехать на север, работать в золотодобывающей артели. Первый говорит приятелю: чего ты там забыл? Работа от зари до зари, жизнь в палатках и бараках, нет женщин, нет нормальной пищи. Ради чего все это? Второй мужик отвечает: там я буду знать, что у меня есть шанс найти огромный самородок. И навсегда

изменить жизнь. Да, шанс невелик. Но он есть. Каждому человеку надо знать, что шанс у него есть. Вот в этом отличие здешней жизни от российской. Здесь этот шанс есть, а там нет. Сколько ни старайся, так и останешься внизу.

– Звучит, как приговор.

– Окончательный, не подлежащий обсуждению. Конечно, мои выкладки не относятся к «элите» русского общества. Приватизаторам, отхватившим на шару самые лакомые куски государственной собственности, которая была создана десятилетиями, поколениями людей, получивших дырку вместо бублика. Или к детям государственных сановников, которым все дано от рождения: апартаменты в пределах Бульварного кольца, дача в Барвихе и Завидово, повара, служанки, приживалки и другие холуи. Детям остается кататься на лыжах в Италии, сидеть в кабаках с видом на Женевское озеро, прохлаждаться на яхтах возле французской Ривьеры и сорить деньгами на шопингах в Риме и Париже. Я не о них. Я о нормальных людях, которым тоже хочется жить по-человечески. И которые готовы ради этой человеческой жизни пролить ведро пота.

– К чему этот пафос? – томно вздыхает Рита. – У моего папы тоже дача на Рублевке, и деньги есть. Но я не катаюсь на лыжах и не плаваю на яхте. Зачем же всех под одну гребенку?

– Простите, не знал. Впрочем, не надо лукавить: исключение из правил лишь подтверждает правило. Я из провин-

циального русского города. У нас с женой была квартирka на окраине и приличная машина. Ради этой малости мне пришлось, поверьте, вылизать бесcчетное множество задниц. И сколько мне еще надо было вылизать, чтобы пойти дальше? Чтобы дорости до потолка, прыгнуть выше головы: купить хорошую квартиру в столице, получить место в солидной адвокатской конторе или государственной корпорации типа «Газпрома» или «Транснефтегаза»? Когда я задаю себе этот вопрос, мне становится нехорошо.

– А разве в Америке начальственные задницы пахнут как-то по-другому? Цветами и первым снегом?

– Здесь мне не нужно лизать задницы – в этом фокус.

– Не верю. Не – ве – рю!!!

– Значит, мне просто повезло. Я трудно начинал. Учился, работал по шестнадцать часов в день. Был адвокатом в уголовном суде. Не платным, а бесплатным. Таким адвокатом, которого назначают бедным людям, неимущим. Мне платило государство. Я работал переводчиком в Министерстве сельского хозяйства, за небольшие деньги. Теперь у меня своя практика. Да, мои клиенты не миллионеры. Это иммигранты среднего достатка. Но свои две сотни в час я имею. Иногда, не часто, выпадают крупные дела, на которых можно заработать приличные деньги.

– Я знаю в Москве адвоката, который легко зарабатывает те же две сотни, даже три. И ему не надо ехать в Америку за деньгами.

– Теперь мы открываем другой секрет: качество жизни. То есть количество товаров и услуг, которые я могу купить здесь и там. Образно говоря, здесь на сотню долларов я могу купить больше, чем человек может купить в России на тысячу. Что бы я мог позволить себе в России с моими доходами? Отпуск в Турции, обучение детей во второсортном колледже Европе, паршивую квартиру на выселках и приличную машину. Это вообще русский стиль: жить в трущобе и ездить на «хаммере». Здесь – то же самое, но на порядок выше. Отпуск на Гавайях, дети в престижном колледже, апартаменты в отличном районе. Ну, про машины я даже не говорю.

– Ну, жилищный вопрос не удалось решить даже большевикам, – улыбается Рита. – И что плохого, если народ покупает дорогие машины?

– Зачем нужны хорошие машины, если нет хороших дорог? Чтобы стоять в пробках? Может быть, надо начать именно с дорог, а не с «Ленд Роверов»? Вы никогда не задумывались: почему квартирного вопроса нет ни в одной стране с рыночной экономикой, он остался только в России? Вопрос можно решить за пять-шесть лет. Пустите на рынок иностранных подрядчиков, они построят дешевое жилье. Но что тогда останется олигархам? Подбирать крошки с чужого стола? Сейчас они чувствуют себя отлично: строят отвратительные дома и продают эти неликвиды за астрономические деньги.

– Ну, с этим понятно. Но в России много других проблем.

– Которые никто не решает. Только потому, что этого так хочет местная олигархия. Пустите в Россию «Вуллмарт» и «Мейсис» – они насытят рынок качественным ширпотребом и продуктами. Пустите иностранные банки – и получите кредиты под три-пять процентов годовых. Я говорил с одним крупным банкиром. Он хорошо сказал: «Бизнес в России – это политика. А политикой мы не занимаемся». Надо сделать так, чтобы бизнес в России оставался бизнесом, а не политикой.

– В чем главная проблема России?

– Самое отвратительное, что дети растут с мыслью: добиться процветания можно, если воруеть. А честные люди – это лузеры. С одной стороны равенство возможностей и рыночная экономика – но это на словах. С другой стороны, все народонаселение, в том числе дети, понимают: можно честно заработать миллион, два, три, десять, сто... Но заработать в России миллиард, оставаясь честным человеком, – нельзя ни при каких условиях. Плохо то, что все привыкли брать и давать. Куда бы ни попал, в больницу, на прием начальнику, на отдых, знай: надо что-то принести, сунуть. В Америке люди не имели представления, что такое взятка. До той поры, пока не накатила русская эмиграция третьей волны.

– В Америке высокие налоги.

– Налог прогрессивный: чем больше зарабатываешь, тем выше налог. В прошлом году я заработал два миллиона. С меня вычли один миллион. Мой сосед заработал двадцать

пять тысяч и не заплатил ни цента подоходного налога. И это справедливо. В сравнении со мной – он бедный человек. В России налог уравнительный. Для всех – одна ставка. Когда его вводили, обещали – это ненадолго. Оказалось, наоборот. Платят даже самые бедные. Сиделки, няньки, уборщицы, сельские учителя... У олигархов есть адвокаты, которые знают лазейки в законе. В итоге самые богатые налогов не платят. Се ля ви.

– Здесь плохое образование.

– Разве? Почему тогда американские вузы занимают верхние строчки в рейтингах лучших вузов мира? Гарвардский, Принстонский, Йельский, Кембриджский университеты... Если память не изменяет, это ведь не в России.

– Но сами американцы признают, что лучшее качество образования, например, в Финляндии.

– Весьма возможно, – смеется. – Но я что-то не припомню нобелевских лауреатов из Финляндии. Наверное, потому, что большинство премий первыми расхватали американцы.

– Американцы – ханжи. Все эти улыбки, вопросы «как поживаете» – сплошное лицемерие.

– По мне лучше ханжеская улыбка, чем волчий оскал человека, озлобившегося от неудач и паршивой жизни.

– А как же ностальгия, не мучает?

– Ностальгия – это для эмигрантов первой и второй волны. Эти люди оказались оторванными от родины. Никаких связей с Россией, никаких поездок, даже письмо будет идти

два-три месяца. Хорошо, если его быстро изучат на Лубянке, и оно вообще дойдет. Теперь мы живем в едином информационном пространстве. Русский интернет, телефон, все каналы русского телевидения, газеты, журналы те же, что и в России, плюс русские продукты в магазинах. Моя знакомая, прожившая тут сорок лет, выучила сорок английских слов. Ей больше и не надо – вокруг одни русские. В Нью-Йорке русский – официальный язык. Сегодняшнего эмигранта называть эмигрантом язык не поворачивается.

– И все же...

– Ну, если соскучились: садитесь в самолет, через девять часов вы в Москве. Поживите у родственников, где на папу, маму, двух детей и бабушку – один туалет. Съездите в периферийный район столицы, зайдите в магазин, где вам продадут сосиски второй свежести. Если повезет, вас еще обсчитают, обвешают, а в придачу нахамят. Прокатитесь в метро в час пик. Но только держитесь за карманы и не растеряйте оторванные пуговицы. Зайдите в московские бутики, взгляните на цены. И постарайтесь не упасть в обморок. Вот тогда возвращайтесь обратно. И тоску по родине как рукой снимет. Я вас уверяю, свидание с отчизной – это проверенный способ лечения ностальгии.

– Назовите еще одну вескую причину, чтобы уехать?

– В России мужчины не доживают до шестидесяти. Здесь живут почти на двадцать лет больше. Хотите прибавить к жизни двадцать лет? Вот ответ на ваш вопрос.

– Слушайте, не морочьте мне голову, – на лице Риты саркастическая улыбка. – В том, что в России мало живут, сам народ виноват, а не злобное правительство. Пока мы здесь болтали, мимо пробежало десять физкультурников. Качалки, тренажерные залы забиты людьми. А в России все курят, мало занимаются спортом и почти не едят фрукты. Если бы сами мужчины больше следили за собой, качали железо, а не накачивались пивом на диване, не сосали бесчисленное число сигарет, – они бы и в России доживали до восьмидесяти.

– Ну, с вами трудно спорить.

Павел перевел дух, таких собеседников как Рита ему давно не попадалось. Она о чем-то думала, кажется, сделала для себя какие-то выводы. Рита еще не знала, что впереди другая беседа, с человеком, который отстаивает противоположную точку зрения, и умеет доказать свою правоту.

Русская жена в американской глубинке

Дорога пустая, значит, можно рассуждать на отвлеченные темы. Вот одна из них. Неизвестно, сколько интернет знакомств заканчивается браками или долгосрочными знакомствами, такой статистики нет. Но, мне кажется, что цифры внушительные. Я знаю несколько русско-американских пар, людей среднего возраста, которые завязали знакомство во всемирной паутине.

Вынимаю из кармана фотографию и протягиваю Рите, сидящей на пассажирском сидении впереди. Высокий плотный мужчина, симпатичный, с рыжеватыми усами, рядом довольно хрупкая женщина. История Лены и Дональда – это история счастливая.

– Можем завернуть к ним, – говорю я.

– А это интересно?

– Это простая история русской жены и американского мужа. История типичная. Поэтому, мне кажется, интересная.

Дон живет в небольшом городке, где из достопримечательностей – протестантская церковь и средняя школа, большое современное здание с прекрасными светлыми классами. Рядом два тщательно ухоженных поля для игры в европейский футбол, бейсбольная площадка. В городе есть несколь-

ко магазинов и прачечных, закусочных быстрого обслуживания, бакалейные лавки, искусственный пруд с утками.

Население пять с половиной тысяч человек. Такие городки – это и есть Средний запад, основа Америки, ее становой хребет, ее кормилец. По праздникам на местном стадионе проводят ярмарку, работают простенькие аттракционы, торгуют сладостями, домашним лимонадом и сувенирами, сюда приходят семьями, здесь, разложив на траве одеяло, ужинают и смотрят салют. Природа, чистый воздух, прекрасная экология.

Но если вы мечтаете найти здесь работу – то ваши мечты вряд ли сбудутся. Две старые фабрики на окраине давно закрыты. В округе есть несколько заводов, но добираться до них довольно далеко. В соседнем городке два колледжа. Чтобы найти себя в большом человеческом мире, а заодно и заработать, молодым людям, вчерашним выпускникам школ, остается два варианта – уехать в большой город, и уже там – учиться или искать работу. Можно пойти в армию. Часто выбирают последний вариант, подписывают контракты на три-четыре года.

Базы подготовки морской пехоты или зеленых беретов разбросаны по всей стране. После окончания учебки попадешь за границу, на одну из военных баз. Хорошие условия службы, приличная зарплата на всем готовом и льготы по окончании службы – почему бы не попробовать. Поэтому молодежи от восемнадцати до тридцати здесь немного.

Город чистый, тихий и скучный. Несколько лет назад я познакомился с одним из местных жителей, сорокапятилетним мужчиной по имени Дональд или просто Дон. Он рассказал, что жена, с которой прожили пятнадцать лет, – родила двух прекрасных детей, мальчика и девочку, – сбежала именно от этой мертвенной скуки, неподвижности здешней жизни. У нее не было мужчины на стороне, не тянули сексуальные приключения, но размеренная провинциальная жизнь, когда сегодня знаешь, что случится завтра, через месяц, через год, когда не ждешь от жизни никаких сюрпризов, просто плывешь по течению, потому что не можешь ему противиться, – психологически угнетает.

Жена Дона страдала от однообразия провинциальной жизни. Она сказала мужу, что подает на развод, забирает только что купленную машину и уезжает. Дети остаются Дону. Им надо заканчивать школу и вообще... Ссуду за дом супруги выплачивали последние тринадцать лет. Теперь жена хочет забрать свою половину от этой суммы (супруга не работала, но в любом случае может претендовать на половину имущества), а Дон останется здесь, будет ухаживать за детьми и двумя собаками.

Жена села в новую машину и уехала в новую жизнь. Дон пошел к дилеру и купил старый «Олдсмобил».

В то время он работал шеф-поваром в ресторане. В моем представлении, оформившееся в советские времена, шеф – это такой дядька, набитый деньгами, словно фарширован-

ная утка яблоками. Представляется картина: поздней ночью повар спускается с заднего крыльца ресторана и, воровато озираясь, уносит в темноту сумки с продуктами. Возможно, такие зарисовки с натуры и в наше время не редкость, но не здесь. Шеф в ресторане это потогонная работа, восемь – двенадцать часов на ногах у плиты в кухонном дыму и чаду. Никаких сумок с продуктами и весьма скромная зарплата.

Правое колено Дона болело после травмы, полученной еще в юности во время баскетбольного матча, целыми днями стоять у плиты он не мог, поэтому нашел работу на фабрике в часе езды от дома, выучился на оператора машины по выпуску прессованного картона. Работа нелегкая, но зарплата выше ресторанной. Когда сын окончил школу и собрался в армию, а дочь перешла в выпускной класс, Дон решил, что пришло время устроить личную жизнь. В его городке одиноких женщин почти нет, а те, что были, Дону не очень нравились.

Он был скептически настроен к знакомствам в интернете, но, уступив советам друга, решил попытаться счастья на сайте одиноких сердец. Через год в дом Дона вошла русская жена Лена, родившаяся и прожившая большую часть жизни в крупном сибирском городе. На родине Лена работала бухгалтером в солидной коммерческой фирме, воспитывала дочь от первого брака. Своя квартира, относительный достаток, насыщенная событиями жизнь. Не хватало личного счастья.

И вот личное счастье появилось, но не стало работы, друзей, ежедневной суеты большого города. Дон уезжал рано утром, возвращался поздно. Дочь уходила в школу. Целый день Лена была предоставлена самой себе. Уборка, возня на кухне... Это отнимало совсем немного времени, а чем еще себе занять? Смотреть телевизор, не понимая ни слова? Или слушать музыку по радио?

Вокруг тишина, дом стоит вдалеке от большого шоссе. Иногда под окном пройдет человек, проедет машина, – и снова тишина. Жуткая оглушительная тишина, от которой нет спасения. К этой тишине трудно привыкнуть человеку, прожившему жизнь в суетном мегаполисе, среди людей.

Лена, как и большинство русских женщин, вышедших замуж за американцев, надеялась оказаться в большом сверкающем городе, на худой конец рядом с таким городом, рядом с большой жизнью. Но оказалась в небольшом городке, наедине с тишиной и провинциальной скукой.

Она пыталась найти работу, но кто возьмет без знания английского? Общаться с соседями при помощи мимики, жестов и двух десятков слов – затруднительно. В городе есть школа, где преподают язык бесплатно. Но до города шестьдесят миль в один конец. А водительских прав нет, да и второй машины нет, общественный транспорт здесь не ходит.

Дом оказался ловушкой, из которой не выберешься.

Особенно трудно было пережить первую и вторую зиму. Из окон виден пустой ровный участок земли, покрытой снегом, за ним какие-то спутанные колючие кусты и голые деревья, обвитые плющом, еще резервуар, большая металлическая емкость, – его раз в месяц заправляют жидким газом. С другой стороны через дорогу – соседний домик. Людей не видно, кажется, там никто не живет. Чувство пустоты, одиночества, которое не покидает целыми днями, неделями...

Некоторое разнообразие вносили нечастые поездки с мужем в магазин. Но и в магазине не разгуляешься, деньги проходило экономить, – продолжительное время Дон был единственным кормильцем в семье. Занятия кулинарией тоже не доставляли большой радости. Выяснилось, что муж не самый горячий поклонник, – это тоже типичный случай, – русской кухни, слишком обильной и жирной. Вообще к русской еде здесь относятся прохладно. Борщи, пельмени – это на большого любителя.

Рассказываю об этом, потому что судьба Лены, – это классический пример судьбы русской женщины в Америке. Да, женщины из России, как правило, приезжают сюда полными надежд и планов, но оказываются не готовы к жизни в провинциальных городках и поселках, к жизни без работы, без человеческого общения, без друзей и знакомых. Лене, чтобы более или менее адаптироваться, потребовалось два долгих года.

И тут очень помог Дон. Начали с того, что муж научил Лену водить машину, она сдала на права, купили в кредит второй автомобиль. Каждый день Лена стала сама ездить в школу. Улучшился английский. Удалось найти работу: она пересчитывала деньги в банковском хранилище, откуда отправляют купюры для заправки банкоматов. Однажды хранилище ограбили. Преступников нашли и осудили, но хранилище по каким-то причинам закрыли. Начались поиски новой работы.

Теперь, по прошествии девяти лет, жизнь окончательно вошла в колею. Подросла и пошла в колледж дочь. У Лены постоянная работа... Короче, у этой истории счастливый конец, но многие истории «русских жен» заканчиваются грустно.

* * *

Мы заехали к Лене и Дону, прошлись по улицам, съездили на пруд, посидели за столом.

– А почему ты все-таки не уехала назад? – спросила Рита. – Ну, тогда, в ту первую и вторую зиму, когда было очень тяжело? Ну, хотя бы на время?

– Мне помог Дон, – ответила Лена. – Он делал все, чтобы мы с дочерью как-то прижились здесь, адаптировались, смогли полюбить этот край. Взял и вытащил нас из повседневной рутины. Он вел себе деликатно, по-джентельмен-

ски... Сначала сам возил меня в школу. Затем стал учить меня ездить на машине. Очень терпеливо, изо дня в день, из месяца в месяц. Я не лучшая ученица. Ему понадобилось много терпения. Он сумел стать настоящим отцом моей дочери... Словом, он сделал меня счастливой.

– А в чем отличие русских мужчин от американских? И вообще это отличие существуют? Может быть, мужчины и женщины – они везде одинаковы, в любой стране? Понимаешь, о чем я?

– Сразу трудно разобраться, в чем они состоят, эти отличия. Ну, поживешь – все станет на свои места. Я бы ответила так. Возьми Западную Европу и Америку, вспомни название американских и европейских книг и фильмов о романтических отношениях мужчины и женщины. На память сразу приходит французский фильм Клода Лелуша «Мужчина и женщина», до сих пор популярный. А когда задумываюсь о России, сразу вспоминаю роман Бориса Можаева «Мужики и бабы». Вот в этом и есть главное отличие. У них – мужчины и женщины, у нас – мужики и бабы.

* * *

Наша новая знакомая Светлана работает официанткой в придорожной закусочной. Живет в небольшом городе на Среднем Западе. Познакомились мы, когда попали в сетевой парк развлечений «Шесть флагов», таких парков немало по

всей Америке.

Здесь масса аттракционов вроде «пещеры ужасов», «американских горок», большой аквапарк с огромным бассейном, искусственным пляжем, океанской волной, – всего не перечислить. Платишь всего двадцать пять долларов, и целый день с утра до заката солнца наслаждаешься жизнью. Рядом несколько недорогих отелей – за день не покатаешься на всех аттракционах, всего не увидишь, так что, можно растянуть удовольствие.

Четвертной за вход – это действительно дешево. Но устроители парка внакладе не остаются, в ход идут хитрости, на которых можно неплохо заработать. Например, с собой запрещено проносить воду и еду. А пол-литра грошового лимонада здесь стоит около четырех долларов. А этого лимонада я за день ведро выпил. И закусовые не из дешевых. Плюс фото на память, сувениры, майки с эмблемой «Шести флагов». В итоге кошелек здорово похудеет.

В конце дня я уже устал отдыхать и, закрывшись от солнца полотенцем, лежал на деревянном топчане. Рита вылезла из бассейна и устроилась рядом. Нашей соседкой оказалась Светлана, мы разговорились. Затем пообедали в местном ресторане и вернулись к бассейну. Света живет здесь около десяти лет, с будущим мужем познакомилась по интернету. Есть ребенок от первого брака, мальчик, сейчас Саше четырнадцать лет. Жизнь на новом месте сложилась не сразу, но теперь все более или менее вошло в колею.

Света худая нервная женщина, у нее порывистые движения, она часто улыбается, но улыбка какая-то чужая искусственная. Света не похожа на счастливого человека.

Однажды, это было три года назад, Света пару раз шлепнула сына на попе за то, что он вошел в дом в грязных сапогах, наследил в кухне и комнатах. Саша расплакался, а затем сказал, совершенно серьезно: «Еще раз меня ударишь, я пожалуюсь куда надо». То происшествие и те слова быстро забылись. Как-то Света снова шлепнула сына.

– Он весь вечер просидел в своей комнате за компьютером и не сделал уроки, – рассказывает Света. – Я была очень сердита. Я работаю целый день, надеюсь на сына, верю, что он занимается уроками, а не дурака валяет. Возвращаюсь, а уроки не готовы. Я его шлепнула... Ну, Саша заперся в подвале, оттуда позвонил... Вскоре в дом пришли инспекторы социальной службы. Стали выяснять, почему я подняла руку на ребенка. Это было ужасно.

– Вы бы объяснили им ситуацию, – Рита сочувственно кивает. – И вправду, иногда трудно сдержаться...

– Понимаете, это же дикость, – Света волнуется, на глазах слезы. – Я шлепнула сына в сердцах. Шлепнула по попе, ладонью. А в итоге чуть не лишилась ребенка.

Детей здесь трогать непринято, какие бы номера не откалывал ребенок, как бы вольно себя не вел, что бы себе не позволял, – устных замечаний ему, как правило, не делают. А ударить ребенка, шлепнуть по попе или дать подзатыль-

ник, – это уже последнее дело. Если такое случится в общественном месте, все может обернуться серьезными неприятностями для родителя. Сотрудники социальной службы за просто заберут ребенка, как говорится, без суда и следствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.